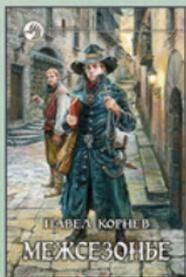

Павел Корнев

Ростовщик и море

*Часть сборника
Межсезонье (сборник)*

Павел Николаевич Корнев

Ростовщик и море

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182021
Межсезонье: Альфа-книга; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0392-9

Аннотация

«Таверна «Якорная цепь», двухэтажной развалюхой приткнувшаяся к каменной ограде порта, пользовалась у городских стражников дурной репутацией. Разбавленное пиво, скисшее вино, мягко говоря – несвежая рыба... К тому же частенько заканчивающиеся поножовщиной карточные игры и обнаруживающиеся поутру в соседнем канале трупы привносили в жизнь служивых не самое приятное разнообразие. Но что самое паскудное – содержатель этого притона давным-давно снюхался с начальником порта и капитаном городской стражи, а потому выдавить из него мзду или хотя бы дармовую кружку водянистого пива было просто-напросто безнадежной затеей...»

Павел Корнев

Ростовщик и море

*Мечтал дожить свой век в достатке,
Но у пиратов честь – неходовой товар,
Вам чек вручают в виде черной метки,
Шесть грамм свинца – вот весь ваш гонорар.
Все му виною деньги, деньги, —
Все зло от них, мне б век их не видать!
За мной пришли, спасибо за вниманье —
Сейчас, должно быть, будут убивать.*

Н. Олев, А. Балагин

Таверна «Якорная цепь», двухэтажной развалюхой при-
ткнувшись к каменной ограде порта, пользовалась у го-
родских стражников дурной репутацией. Разбавленное пиво,
скисшее вино, мягко говоря – несвежая рыба... К тому же
частенько заканчивающиеся поножовщиной карточные игры
и обнаруживающиеся поутру в соседнем канале трупы при-
вносили в жизнь служивых не самое приятное разнообразие.
Но что самое паскудное – содержатель этого притона дав-
ным-давно снюхался с начальником порта и капитаном го-
родской стражи, а потому выдавить из него мзду или хотя бы
дармовую кружку водянистого пива было просто-напросто
безнадежной затеей.

Впрочем, всем остальным не было до дурной репутации
таверны ровным счетом никакого дела. Добропорядочные

обыватели Шухарты обходили этот район десятой дорогой, а местных забулдыг и сошедших на твердую землю матросов нисколько не волновало, где заливать глаза дешевым пойлом да проматывать оставшиеся от жалованья гроши в карты. Ну а когда в «Якорную цепь» все же забредал непривычный к подобным злочным местам посетитель, он, как правило, проявлял благоразумие и не оповещал всех и каждого о своем отношении к этому гадюшнику. Редких же правдолюбцев ждал весьма и весьма неприятный разговор с завсегдатаями.

Занявший один из столов в самом темном и дальнем от барной стойки углу молодой человек был из благоразумных. Заказав кружку пива и соленую селедку, он настороженно смотрел по сторонам и помалкивал, не желая привлекать внимания собиравшейся в таверне публики. Впрочем, ни удаленность стола, ни полумрак не помешали тем, кому это было интересно, до последнего медяка оценить содержимое его тощего кошелька и прийти к выводу, что овчинка выделки не стоит. Именно поэтому никто не стал втягивать паренька в карточную игру, предлагать выпить за здоровье губернатора – рому, разумеется, и до дна! – или, на худой конец, рекомендовать местных веселых девиц.

Нет, оставшихся после скудного обеда в кошельке юноши медяков набралось бы, пожалуй, только на вторую кружку пива, а одежда, пусть чистая и опрятная, но весьма поношенная, не стоила даже того, чтобы поднять ее с мусорной кучи и донести до старьевщика. Да в самом деле – что можно

взять с писца? Ну а род занятий молодого человека ни для кого секретом не остался: на ладонях темнели чернильные пятна, на пальцах правой руки выделялись характерные для постоянной работы с пером мозоли.

Спустившийся по скрипучей лестнице в обеденную залу старик в длинном плаще внимательно оглядел пивших пиво бездельников, азартно резавшихся в орлянку матросов, да двух толковавших о делах сутенеров и безошибочно определил нужного ему человека. Сильно припадая на левую ногу, он добрался до нужного стола и повалился на стул.

– Саймон Дирк?

– Да, сэра. – Молодой человек отодвинул тарелку с селедкой, внимательно разглядывая собеседника. Вернее, пытаюсь разглядеть. Черты лица скрадывали полумрак и обвисшие поля выгоревшей на солнце шляпы. Все что удалось заметить – прокуренную короткую бородку и задубелые от ветра щеки. Сама же одежда оказалась не из богатых: солнце и бесчисленные стирки давно превратили плащ в бурую хламиду, да и заплат на нем было без счету, а роговая пряжка треснула посередине. – А вы?

– Неважно, сынок, – усмехнулся сильно горбившийся старик, и Саймону вдруг почудилось, что тот может оказаться не так уж и стар. И куда более высок, чем хочет выглядеть. – Врать не хочу, а настоящее имя... Сам я его уже почти позабыл, да боюсь, не у всех такая короткая память. Важно другое: я знал твоего отца.

– Знали? – насторожился юноша.

– Так и есть, – вздохнул старик. – Наши дорожки давно уже разошлись, но этой весной вновь на одном корабле плавать довелось. На... Да неважно. От лихорадки он умер, за три дня сгорел.

– Весной? – Саймон одним глотком допил остававшееся в кружке пиво.

– Весной, – подтвердил старик. – Ну, мы люди подневольные – только вчера довелось в Шухарту вернуться. А сегодня опять в море, поэтому и встречу у порта назначил.

– Благодарю за известие, – начал подниматься юноша, на которого вдруг нахлынула волна витавших в таверне запахов. Густой табачный дым, перегар, вонь подгоревшей пищи... Ноги паренька стали ватными, и старику даже не пришлось толком усаживать его на место.

– Обожди. – Моряк выложил на стол потертый вещевого мешок. Не то чтобы туго набитый, но и не полупустой. – Так уж получилось, что на том корабле твой отец ни с кем близко не сошелся, вот и попросил меня пожитки передать. Забирай.

– Что там? – сглотнул подступивший к горлу комок тошноты Саймон.

– Что может быть в сундучке у одинокого моряка? – пожал плечами старик. – Ну что, выпьем за упокой?..

– Благодарю, я должен идти. – Будто пьяный юноша нахлобучил на голову шляпу и подхватил за завязки оказав-

шийся неожиданно увесистым мешок. – Я у хозяина отпросился...

– Тогда иди, сынок, иди, – махнул ему на прощание моряк. – Попутного ветра!..

Саймон ничего не ответил, будто во сне разминулся с каким-то подвыпившим забулдыгой и уже на лестнице вдруг услышал странный звон – вывалившийся из прорехи в углу мешка полновесный золотой дублон прокатился по ступеньке, ударился о стену и, вернувшись, ткнулся в носок стоптанного ботинка...

* * *

Ветер дул с моря, а значит, работа не шла, и настроение было ни к черту.

Ветер дул с моря, и, несмотря на наглухо закрытые ставнями окна, казалось, будто соленые волны плещутся о стены дома и жадно облизывают каменные ступени.

Ветер дул с моря, и заставить его сменить направление, было не в моих силах.

Отодвинув на край стола долговые книги, я захлопнул крышку чернильницы, задул свечи и, откинувшись на спинку стула, сделал добрый глоток горячего грога.

Ну и какой прок быть богатым человеком, если простой каприз природы может обеспечить тебя на весь день головной болью? Если даже в самом удаленном от побережья рай-

оне города море умудряется напоминать о себе всякий раз, когда ему это вздумается! Да уж, оно не бродяга, которого можно вышвырнуть за ворота и наказать забыть дорогу обратно. Море – вот истинный владыка этого, окруженного со всех сторон водой, клочка земли, его настоящий царь и Бог. А жалкие людишки, да что они могут?

Ненавижу. Ненавижу море!

Мысль была привычной, и вовсе не вторая кружка грога послужила ей причиной. Такова уж ирония судьбы, что в семье потомственных мореходов родился человек, столь исступленно ненавидящий эту соленую лужу. Хотя почему «родился»? Когда-то давным-давно и я грезил его лазурными волнами, мечтал взбираться по вантам, стоять у штурвала, идти на абордаж...

И даже врожденная хромота не стала бы преградой, но... Но море забрало у меня родных. И пусть команда капера, взявшего на абордаж слишком медлительного торговца, почти в полном составе горит в аду, ничего это не меняет. Я-то знаю: они были всего лишь марионетками, бездушными и оттого жестокими игрушками в руках прятавшегося за ширмой кукловода.

При чем тут море? Не спрашивайте у меня, спросите у тех, кто пошел на корм рыбам.

Допив начавший остывать грог, я решил, что до вечера еще слишком далеко и с горячительными напитками стоит повременить. А то попытаюсь открыть глаза на дьявольскую

сущность моря какому-нибудь должнику, как на прошлый день города. Нет, насмешек я не боялся – те, кто мог себе это позволить, слишком благоразумны, чтобы принять такие мои высказывания всерьез. Для них это всего лишь экстравагантная шутка, не более. А для остальных... На остальных плевать!

Да, забыл представиться – Натаниэль Корда. Для друзей – а таковых на сегодняшний день, пожалуй, уже и не осталось, – Нат. Для всех прочих, но только за глаза – Ломаный Грош. Странные люди, они искренне полагают, будто мне не известно о собственном прозвище! И вспоминают его, желая оскорбить. Странные... Не знай я, что происходит вокруг, ничего бы в своем деле не добился.

Деле?.. Разве я не говорил?

Я – ростовщик. Ссужаю деньги в рост.

О! Вижу, вы улыбаетесь. Нет, нет, не прячьте улыбку. Наверняка вы почтили своим присутствием новогодний бал у губернатора. Ведь так?

«Такой молодой и уже ростовщик».

Да, жена гарнизонного казначея пошутила весьма метко. Правда, думаю, самому казначею было не до смеха, когда ссуда на покрытие недостачи перед приездом столичных ревизоров обошлась ему несколько дороже, нежели обычно. Несколько – да!..

А что до молодости и положения в обществе – я рано понял, какую власть дают деньги.

Нет, разумеется, лежащее без движения золото помогает добиться успеха не больше, чем кольчуга выплыть утопающему. Все верно: как и всякое другое оружие, золото требует постоянного внимания. Никто ведь не станет пенять на клинок, если хозяин не удосужился его наточить и давно позабыл, где он пылится.

Так вот: я знаю, как заставить деньги работать. Как превратить мертвое золото в открывающий невероятные возможности инструмент. Именно поэтому я всего добился сам. Собственным потом и кровью. Без чужой крови тоже не обошлось, но, не разбив яиц, яичницы не приготовить. Я ростовщик – и этим все сказано. Людям моей профессии иногда приходится принимать жесткие, если не сказать – жестокие, меры для возврата выданных взаем денег. В нашем деле нет места белым и пушистым. Всякое бывает, всякое...

Дернув за тянувшийся из комнаты шнурок колокольчика, я собрал разложенные на столе книги и исписанные черновыми пометками листы и убрал их во вмурованный в стену сейф. Крутнул колесико, сбивая шифр, и только после этого провернул торчащий в замке ключ.

– Да, хозяин? – В приоткрытую дверь заглянул один из немногих допущенных в мой рабочий кабинет слуг – Роб. Росту в нем было без малого шесть футов, но из-за размаха широченных плеч длинным он вовсе не казался. Как обычно, парень поверх полосатой матросской фуфайки накинул

безрукавку из толстой кожи, а свободного покроя шаровары заправил в высокие ботинки с железными набойками на носках. На поясе – непременно дубовая дубинка. – Еще грогу?

– Нет, передай Мартину, пусть ждет меня в гостиной. – Застегнув на шее цепочку с ключом от сейфа, я потянулся за тростью и поднялся со стула. Выпитое спиртное мягко толкнулось в голову, но колебание было недолгим – пусть ветер и дует с моря, но дела есть дела.

Стараясь по возможности не опираться на трость, я вышел из кабинета, и сразу же из своей каморки выглянул Боб, походивший на напарника, будто родной брат. Даже одевались они одинаково. Только этот постарше и помассивней – пивное брюшко уже начинало выпирать из-под жилетки, а под куцей войлочной шапчонкой прятались глубокие залысины. Оставшийся на тяжелом подбородке след от вскользь прошедшего абордажного палаша не могла скрыть даже короткая русая борода, а торчащая из-за голенища правого сапога рукоять складного ножа и вовсе придавала ему разбойничий вид.

– Хозяин, вас проводить?

– Да, – кивнул я и, вцепившись в перила, начал медленно спускаться по лестнице. Проклятая нога! Проклятая лестница! Проклятый дом! И проклятый, испоганивший настроение ветер! Нет, определенно надо будет подыскать новое жилье без такой чертовой уймы ступеней. – Питер не приходил?

– Пока не было.

– Как появится, пусть сразу зайдет.

Успевший сбежать по лестнице Роб предупредительно распахнул дверь гостиной, и, на каждом шагу тяжело опираясь на трость, я прошел к стоявшему у камина столу. Здесь ветер завывал еще сильнее, по закрытым ставням колотили капли дождя, и даже полыхавшие в камине дрова не могли прогнать сырость. Ветер с моря, сырость, раскальвающееся от боли колено. Нет, положительно, с каждым годом приход осени приносит все больше и больше неприятностей.

– Ну? – усевшись за стол, буркнул я развалившемуся на диванчике Мартину.

– Чертова погода! – пробормотал пожилой щеголь. Закашанный у лучшего портного вечерний костюм, шелковая сорочка, белоснежные манжеты, шикарные туфли с серебряными пряжками. Впрочем, одной лишь одеждой мой помощник не ограничивался: прическа – волосик к волосику, – как всегда идеальна, лицо в меру напудрено, ногти отшлифованы, тонкие усики завиты и... никакого намека на щетину. По внешнему виду даже и не скажешь, что опять всю ночь кутил.

– Сколько часов спал сегодня? Два, три? – пошурудив тяжелой чугунной кочергой угли, поинтересовался я.

– Откуда? – окинув свой наряд быстрым взглядом, уставился на меня Мартин. Потом догадался, подошел к зеркалу и, оттягивая веки, начал разглядывать изрядно покрасневшие от недосыпа глаза. – Н-да... природу не обманешь.

– Так сколько?

– Три. – Мой помощник пригладил несколько выбившихся волосков и отвернулся от зеркала.

– Остепениться тебе надо, не мальчик уже. – Я выудил из верхнего стола стопку писчей бумаги и медную чернильницу. – Возраст...

– Да что возраст! – только рассмеялся Мартин. – В заведении матушки Марты такие девочки, они даже мертвого на ноги поставят.

– Сомневаюсь, – затачивая перо перочинным ножом, хмыкнул я. – Вот живого насмерть заездить – было дело. Как бы то ни было, ты ведь был не у матушки Марты и не в «Трех черепахах». Новая пассия?

– Не без этого, – ухмыльнулся мой помощник, которому любовные похождения обходились иной раз весьма недешево. – Живой же человек!

– Да и я вроде пока не мертвец, – хмуро глянул на него я. – Что у нас на сегодня?

– Доводилось мне слышать про людей, у которых ром вместо крови. Пока тебя не повстречал, думал – брехня. Но если у одного могут быть вместо крови чернила, то чем ром хуже? – Мартин вновь уселся на диван и заложил ногу на ногу. Зная меня лет десять, он прекрасно понимал, над чем шутить можно, а над чем не стоит. И когда надо переходить к делам, тоже в большинстве случаев не ошибался. – Сегодня напросились на встречу четверо: Сэм Браун, Дик Росс, Эл

Риони и Гарри Шин.

– Так, так, так... – Сцепив пальцы, я задумался, решая, не придется ли возвращаться наверх за долговыми записями: у первых двух посетителей, если не ошибаюсь, подходил срок возврата займов. И не думаю, что они так благодарны за ссуженное золото, что хотят вернуть его лично. Не те люди, не те ситуации. Как пить дать, будут просить об отсрочке. Надо бы условия в памяти освежить. И Риони, Риони тоже вернуть деньги в ближайшее время должен. Точно! Двадцать дублонов в начале следующего месяца. Вернет досрочно? Очень сомневаюсь.

– Дела у Риони не очень?

– Так себе. Лавка много денег не приносит, скупка краденого тоже не самый надежный источник дохода. Сегодня густо, завтра пусто, – усмехнулся Мартин и пожал плечами: – Сомневаюсь, что у него будут деньги в срок.

– Его оставишь напоследок. Что с остальными? – Если бы не помощник, мне бы пришлось либо выйти из дела, либо спать на три часа в сутки меньше. И не будь этих бесконечных любовных авантюр, давно бы сделал его компаньоном.

– Брауну в последнее время не везет. – Мартин развалился на диване. – То пряжа гнилой окажется, то пшеница заплесневеет. У всех перекупщиков бывают черные дни, но в этот раз полоса неудач что-то затянулась. На следующей неделе должен вернуть восемь сотен марок, что в пересчете на золото, без малого, сто сорок дублонов. Если напряжется

– вернет, но сам без штанов останется.

– Росс?..

– Тут дела еще хуже, – уставился на меня помощник. – За лето потерял три корабля. И с последним тоже полная неопределенность. На той неделе еще вернуться должен был. Предупреждал ведь: нельзя ему денег давать, чистые потери! Зря не послушал.

– Перестань! – отмахнулся я. То, что такой судовладелец, как Росс, враз лишится всех кораблей, предугадать было невозможно. Хотя почему всех? Тут Мартин немного поторопился.

– Должен...

– Да помню я, помню! – Полторы тысячи дублонов не та сумма, о которой можно позволить себе забыть. – Шину что понадобилось? Он же с Юзефом Заном обычно работает?

– Господин старший таможенный смотритель крупно проигрался на петушиных боях. Причем проигрался в долг, – хихикнул Мартин.

– Сколько он остался должен?

– Тридцать дукатов.

– Не так уж и много. Почему не перехватил у Юзефа?

– Наколку на того петуха ему помощник Зана дал. И вон оно как вышло. Теперь они на ножах.

– Шин с Карлосом тоже не в лучших отношениях, поэтому решил обратиться ко мне... – кивнул я. Что ж, дружба с таможей еще никому не вредила. – Дай ему сколько попро-

сит. Остальных – ко мне.

– На каких условиях? – уточнил поднявшийся с дивана Мартин.

– На щадящих, и возвращайся быстрее. С Брауном разговор не из приятных намечается.

– А с Россом?

– Видно будет. – Я не стал открывать своих карт. – Возвращайся. И пусть Росс заходит.

Ричард Росс заглянул в гостиную минут через пять. С Мартином судовладелец был примерно одних лет, но седая шевелюра и длинные вислые усы делали его стариком. А может, все дело в выражении лица? Сразу и не поймешь, то ли у него язва открылась, то ли до чертиков неприятен предстоящий разговор. Скорее второе. Держится, как обычно, прямо, будто шпагу проглотил – не иначе армейская выучка сказывается. И ни малейшего намека на растерянность или слабость.

– Здравствуй, Натаниэль. – Он подошел к столу.

– Присаживайтесь, господин Росс, – указал я на стул для посетителей.

– Ричард, – поправил меня старик, на сюртуке которого темнели мокрые пятна. «Плащ остался в прихожей, но сюртук влажный. Пешком сюда добирался? По такой погоде? Брр!..» – Впрочем, как вам угодно, дело не в этом...

– Грогу или, быть может, чистого рому? – предложил я.

Росс сморщился, будто хлебнул уксуса, и лишь помотал головой.

– У меня не получится вернуть вам деньги, – без обиняков выпалил он.

– Пожалуй, рому. – Я вытащил из верхнего стола пару стаканов и тяжелую, квадратную в основании бутылку. – Гадость редкая, но с нынешней погодой...

– Вы как будто не удивлены. – Росс невольно принял протянутый стакан с набульканным на три пальца золотистым напитком.

– Нет. – Себе я налил существенно меньше и лишь смочил губы. – Ваши финансовые трудности ни для кого не секрет. Так когда вы, говорите, сможете вернуть заем?

– Натаниэль, вы меня не слышите? – Росс горько усмехнулся и все же опрокинул в себя ром. – Я разорен! У меня нет, и не будет возможности рассчитаться с вами.

– Выходит, слухи о пропаже «Феникса» имели под собой основание?

– Вам уже известно? – удивился судовладелец.

– А чему вы, господин Росс, удивляетесь? Дурные вести расходятся быстро. – Я пожал плечами.

В этот момент дверь в прихожую слегка приоткрылась, и в гостиную заглянул бритый наголо парень. Питер указал глазами на Ричарда, потом легонько кивнул и вновь спрятался за дверь. Вот и замечательно!

– Мне удивительно ваше спокойствие, – признался Росс. –

Карлос бы уже прислал своих громил выбивать долг, а Зан... Зан бы еще вчера начал опись оставшегося имущества.

– Ну, нам всем повезло, что вы работаете со мной, – улыбнулся я. – Давайте договоримся так: вы получите отсрочку в две недели. Если она понадобится, размер моей премии вам известен, если нет – и вовсе замечательно.

– Но...

– Господин Росс. – Я хлопнул по столу ладонью. – Мы столько лет работаем вместе! Думаю, вы заслужили небольшую скидку. И не надо спорить. Срок платежа переносится на две недели – и точка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.